

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЈЕР

КНИГИ
ДЖЕЙМСА ХЭРРИОТА

О всех созданиях —
больших и малых

•
О всех созданиях —
прекрасных и разумных

•
О всех созданиях —
мудрых и удивительных

•

Джеймс
Хэрриот

О ВСЕХ
СОЗДАНИЯХ—
МУДРЫХ
И УДИВИТЕЛЬНЫХ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Как хочется домой

— Живей-живей! — рявкнул капрал. — По-однажми!

Он без малейших усилий по-спринтерски забежал в тыл пыхтящей, хрипящей вереницы и начал пону-кать нас сзади.

Я находился где-то в середине, старательно рысил более или менее наравне с другими, а про себя прикидывал, долго ли я еще продержусь. Грудная клетка мучительно вздымалась, ножные мышцы протестующе ныли, и для отвлечения я пытался подсчитать, сколько миль мы уже пробежали.

Когда нас построили перед нашим временным жильем, у меня не было никаких дурных предчувствий. Шерстяные свитера и тренировочные брюки, которые нам приказали надеть, ничего зловещего вроде бы не предвещали. К тому же капрал, бодрый низкорослый уроженец лондонской окраины, казалось, смотрел на нас братским взглядом. Да и лицо у него было доброе.

— Вот что, ребята, — закричал он, озаряя улыбкой пятьдесят новоиспеченных летчиков. — Мы с вами немножко побегаем по парку, я впереди, а вы за мной. Нале-е-ево! Вне-е-еред марш! Лев-прав, лев-прав, лев-прав...

Скомандовал он давным-давно, но мы все еще, пошатываясь, кружили по лондонским улицам, а никакого парка и в помине не было. Мозг сверлила горькая мысль: а я-то думал, что я в хорошей форме! Сельский ветеринар, особенно среди йоркширских холмов, просто не может не быть в великолепной форме! Он ведь

все время в движении, приструнивает крупных животных, карабкается по крутым склонам от сарая к сараю. Естественно, что он крепок и закален! Вот какими иллюзиями я себя тешил.

И тут предательский голосок начал нашептывать мне на ухо, что моя недолгая семейная жизнь с Хелен шла под знаком неумеренного обжорства. Уж слишком искусно она готовила, уж слишком я верный поклонник этого ее таланта! А каким блаженством было вольготно развалиться перед камином в нашей комнате! Вот я и делал вид, будто не замечаю, как зарастает жирком мой брюшной пресс, как начинают дрябнуть грудные мышцы... И вот мне пришлось про них вспомнить.

— Уже близко, ребята, — бодро прочирикал капрал позади, но ответом ему было унылое пыхтение: он заверял нас в этом отнюдь не в первый раз и мы несколько утратили доверие к нему.

Но теперь он против обыкновения, видимо, все-таки сказал правду, потому что мы завернули за угол и я узрел в конце улицы чугунную решетку и деревья. Ах, какое облегчение! До ворот я, пожалуй, дотяну, а там отдохнем, покурим и чертовы икры перестанет сводить судорога.

Мы все, как один человек, остановились под сводом ветвей, на которых еще кое-где болтались осенние листья. Но капрал махнул нам.

— Вперед, ребята, по дорожке! — рывкнул он и указал на широкую аллею, которая охватывала парк по периметру.

Шутит он, что ли? Мы вытаращили на него глаза и разразились бурей протестов:

— Не-е-нет, капрал! Имейте жалость, капрал!..

Улыбка исчезла с лица коротышки.

— А ну бегом, кому говорят! Поживей, поживей! Раз-два, раз-два...

Спотыкаясь на темной полосе голой земли, окаймленной пожухлым газоном и покрытыми сажей родо-

дендронами, я не мог поверить, что это происходит на самом деле. Слишком уж внезапно все произошло. Три дня назад я был в Дарроуби, и часть моей души еще пребывала там с Хелен, а другая часть еще глядела сквозь заднее стекло такси на зеленые холмы, которые уходили за черепичными крышами в солнечное сияние; еще стояла у окна вагона: за стеклом убегали назад плоские равнины Южной Англии, а в груди у меня нарастала свинцовая тяжесть.

Мое первое соприкосновение с BBC произошло на огромном лондонском стадионе. Бесчисленные анкеты. Медицинский осмотр, получение обмундирования и всяческого снаряжения. Нас разместили в пустых квартирах в Сент-Джонс-Вуде — очень роскошных, но только оттуда забрали все, что можно было забрать. Однако ванна оказалась, видимо, неподъемной, и мы наслаждались, наполняя горячей водой ее дорогое нутро.

Когда первый суматошный день все-таки подошел к концу, я удалился в это отделанное зеленоватой плиткой святилище и намылился свежим куском знаменитого туалетного мыла, который Хелен сунула мне в чемодан. С тех пор я никогда не покупаю его. Запахи пробуждают память, и стоит мне вдохнуть этот аромат, как меня вновь охватывает тоска первой разлуки с женой, тупая ноющая боль, которая временами только затихала, но совсем не исчезала никогда.

На второй день мы все время маршировали. А в промежутках — лекции, обед, прививки. Я свыкся со шприцами, но многих моих товарищей один их вид приводил в трепет. А когда врач начал брать кровь для анализов, молодые люди, увидев темную жидкость, вытекающую из их вен, сползали в обмороке со стула, иногда по четверо, по пятеро подряд, и санитары уносили их, весело ухмыляясь.

Кормили нас в зоопарке, где болтовня обезьян и рыканье льва на заднем плане придавали особый интерес принятию пищи. Но главным образом мы мар-

шировали, маршировали, маршировали, а новые сапоги причиняли нам невыразимые мучения.

И на третий день все вокруг еще было словно в тумане. Разбудил нас, как и в первое утро, адский грохот захлопывающихся крышек мусорных баков. Честно говоря, я не ожидал, что пробуждаться мы будем под бодрые звуки горна, но от этого лязга хотелось взвыть. Впрочем, сейчас я думал только о том, что круг почти завершен — вон они, ворота парка! Спотыкаясь, я добрал до них и остановился в гуще стонущих товарищей.

— Еще кружок, ребята! — завопил капрал, а когда мы в ужасе уставились на него, он ласково улыбнулся. — По-вашему, это тяжело? Погодите, вот начнутся настоящие строевые учения! Это так, разминка для затравки. Вы еще мне спасибо скажете. Вне-е-еред! Раз-два, раз-два!

И вновь я спотыкаюсь на подгибающихся ногах, весь во власти горьких мыслей. Еще один круг по парку меня убьет. Тут никаких сомнений быть не может. Человек покинул любящую жену и счастливый дом, чтобы служить королю и отечеству, а они вон с ним как! Это нечестно!

А предыдущей ночью я вспоминал Дарроуби. Мы с мистером Дейкином стояли у него в коровнике. Старик, ссутулившись, смотрел на меня с высоты своего роста. Глаза на узком лице с обвислыми усами были полны терпеливой грусти.

— Значит, Незабудке конец приходит, — сказал он, и на мгновение его заскорузлая ладонь легла на спину коровы. Худ он был как щепка, большие натруженные руки с узловатыми, распухшими пальцами свидетельствовали о жизни, полной тяжелой работы.

Я вытер иглу и опустил ее в жестяной ящик, в котором возил ланцеты, скальпели, а также перевязочный и шовный материал.

— Решать, конечно, вам, мистер Дейкин, но ведь я зашиваю ей соски в третий раз, и, боюсь, далеко не в последний.

— Оно, конечно, у нее тут все пообвисло. — Старик нагнулся, разглядывая ряд узлов по шву в ладонь длинной. — И всего-то другая корова наступила, а вид — страшней некуда.

— Коровьи копыта очень остры, — сказал я. — И при движении сверху вниз режут почти как нож.

Вечная беда старых коров! Вымя у них отвисает, соски увеличиваются, становятся дряблыми, и, когда такая корова ложится в стойле, вымя, несравненный молокотворный орган, расплывается и попадает под ноги соседок. Если не Мейбл справа, так Ромашки слева.

В маленьком, вымощенном булыжником коровнике с низкой кровлей и деревянными перегородками стояло всего шесть коров, и у каждой была кличка. Теперь коров с кличками вы не встретите; исчезли и такие фермеры, как мистер Дейкин, у которого было всего шесть дойных коров, три-четыре свиньи и несколько кур, так что он еле сводил концы с концами. Конечно, коровы приносили телят, но...

— Ну что же, — сказал мистер Дейкин. — Старушка со мной в полном расчете. Я помню, как она родилась, ночью, двенадцать лет тому назад. Еще у той Ромашки. И я вытащил ее на мешковине из этого самого коровника, а снег так и валил. А уж сколько тысяч галлонов молока она с тех пор дала, и считать не стану — она и посейчас четыре галлона¹ дает. Да-да, она со мной в полном расчете.

Незабудка, словно понимая, что речь идет о ней, повернула голову и посмотрела на него. Она являла собой классическую картину одряхлевшей коровы — такая же тощая, как ее хозяин, с выпирающими тазо-

¹ Около восемнадцати литров.

выми костями, с разбитыми копытами, со множеством кольцевых перехватов на кривых рогах. Вымя, некогда упругое и тугое, жалко свисало почти до пола.

Походила она на своего хозяина и терпеливым спокойствием. Прежде чем зашить сосок, я сделал местную анестезию, но, мне кажется, она и без того не шевельнулась бы. Когда ветеринар зашивает соски, он наклоняет голову над задними ногами и его очень удобно лягнуть, но от Незабудки такой подлости можно было не ждать: она ни разу в жизни никого не лягнула.

Мистер Дейкин вздохнул:

— Ну что поделаешь! Придется поговорить с Джеком Додсоном: пусть заберет ее в четверг на мясной рынок. Жестковата она, конечно, но на фарш сгодится.

Он попытался шутить, но, глядя на старую корову, не сумел выдавить улыбку. Позади него, за открытой дверью, зеленый склон сбегал к реке и весеннее солнце зажигало на ее широких отмелях миллионы танцующих искр. Дальше светлая полоса выбеленной солнцем гальки смыкалась с лугом, протянувшимся по долине.

Я часто думал, как, должно быть, приятно жить на этой маленькой ферме. Всего миля до Дарроби, но при этом полное уединение и чудесный вид на реку и холмы за ней. Однажды я даже сказал об этом мистеру Дейкину, и старик поглядел на меня с невеселой улыбкой.

— Так-то так, да только видом сыт не будешь, — сказал он.

В четверг мне снова пришлось заехать туда «почистить» одну из коров, и тут за Незабудкой явился Додсон, гуртовщик. Он уже собрал порядочное число откормленных бычков и коров с других ферм и оставил их на дороге под присмотром работника.

— Ну, мистер Дейкин! — воскликнул он, вбегая в коровник. — Сразу видно, которую вы отсылаете. Вон ту скелетину.

Он ткнул пальцем в Незабудку, и действительно, это нелестное слово вполне соответствовало ее костлявости, бросающейся в глаза на фоне упитанных соседей.

Фермер молча прошел между коровами, ласково почесал Незабудке лоб и только тогда ответил:

— Верно, Джек. Эту. — Он постоял в нерешительности, потом отомкнул цепь на ее шее и пробормотал: — Ну иди, иди, старушка!

Старая корова повернулась и с безмятежным спокойствием вышла из стойла.

— А ну пошевеливайся! — крикнул гуртовщик и ткнул ее палкой.

— Ты ее не бей, слышишь! — рявкнул мистер Дейкин.

Додсон с удивлением оглянулся на него.

— Я их никогда не бью, сами знаете. Подгоняю немножечко, и все.

— Знаю, знаю, Джек. Только эту и подгонять не нужно. Она сама пойдет, куда ты ее поведешь. Никогда не упиралась.

Незабудка подтвердила этот отзыв: выйдя из коровника, она послушно побрела по тропе.

Мы со стариком смотрели, как она не спеша поднимается по склону. За ней шагал Джек Додсон. Тропа свернула в рощицу, корова и порыжелый комбинезон гуртовщика скрылись из виду, но мистер Дейкин все еще глядел им вслед, прислушиваясь к затихающему стуку копыт по твердой земле.

Когда звук замер в отдалении, мистер Дейкин быстро повернулся ко мне.

— Пора и за дело братья, мистер Хэрриот, а? Сейчас я вам принесу горячей воды.

Мистер Дейкин хранил молчание все время, пока я намывливал руку и вводил ее в корову. Извлекать послед достаточно противно, но еще противнее наблюдать, как это делает кто-то другой, а потому в таких

случаях я всегда пытаюсь отвлекать хозяина разговором. Однако на сей раз задача оказалась не из легких: я испробовал погоду, крикет и цены на молоко, но мистер Дейкин только невнятно буркал в ответ.

Он держал хвост коровы, опирался на шершавую спину и, глядя перед собой пустыми глазами, глубоко затягивался трубкой, которую, как и все фермеры, благоразумно закурил перед началом чистки. Ну и конечно, раз обстановка сложилась тяжелая, то и работа затянулась. Иногда плаценту удается извлечь целиком, но на этот раз мне приходилось отделять буквально карункул за карункулом, и каждые несколько минут я возвращался к ведру, чтобы снова продезинфицировать и намылить ноющие руки.

Но всему приходит конец. Я вложил пару пессариев, снял мешок, заменявший мне фартук, и натянул рубашку. Разговор давно иссяк, и молчание становилось совсем уж тягостным. Мистер Дейкин открыл дверь коровника и вдруг остановился, не снимая руки со щеколды.

— Что это? — спросил он негромко.

Где-то на склоне раздавался перестук коровьих копыт. К ферме вели две дороги, и он доносился со второй из них — с узкого проселка, который в полумиле от ворот выходил на шоссе. Мы все еще прислушивались, когда из-за каменистого пригорка появилась корова и затрусила к нам.

Это была Незабудка. Она бежала бодро, огромное вымя моталось из стороны в сторону, а взгляд был решительно устремлен на раскрытую дверь у нас за спиной.

— Что за... — Мистер Дейкин не договорил. Старая корова проскочила между нами и без колебаний вошла в стойло, которое занимала десять с лишним лет. Недоуменно понюхав пустую кормушку, она поглядела через плечо на своего хозяина.

Мистер Дейкин уставился на нее. Глаза на дубленном лице ничего не выражали, но из его трубки быст-

ро вырывались клубы дыма. За дверью послышался топот кованых сапог, и в дверь, запыхавшись, влетел Джек Додсон.

— Так ты тут, подлюга старая! — еле выговорил он. — А я уж думал, что не отыщу тебя! — Он повернулся к фермеру. — Извиняюсь, мистер Дейкин. Она, должно быть, свернула на вторую вашу дорогу, а я и не заметил.

Старый фермер пожал плечами:

— Ладно, Джек. Ты тут ни при чем. Я ж тебя не предупредил.

— Ну, дело поправимое! — Гуртовщик ухмыльнулся и шагнул к Незабудке. — Давай, милка, пошли.

Но мистер Дейкин неожиданно преградил ему путь. Наступило долгое молчание; мы с Додсоном недоуменно смотрели на фермера, а он не спускал глаз с коровы, которая стояла у подгнившей перегородки, терпеливая и кроткая. В старом животном было какое-то трогательное достоинство, заставлявшее забыть безобразные расплющенные копыта, выпирающие ребра, дряблое вымя, метущее пол.

Все так же молча мистер Дейкин неторопливо прошел между коровами и, лязгнув цепью, застегнул ее на шее Незабудки. Потом он направился в дальний конец коровника, принес навитую на вилы охапку сена и ловко сбросил его в кормушку.

Незабудке только того и надо было. Она выдернула внушительный клоч и с тихим удовольствием принялась его пережевывать.

— Чего это вы, мистер Дейкин? — с недоумением спросил гуртовщик. — Меня же на рынке дожидаются.

Фермер выбил трубку о нижнюю половину двери и начал набивать ее дешевым табаком из жестяной банки.

— Ты уж извини, Джек, что я тебя затруднил, но только пойдешь ты без нее.

— Без нее?.. Как же?..

— Ты, конечно, подумаешь, что я свихнулся, но я тебе вот что скажу: старушка пришла домой и останется дома. — Он посмотрел на гуртовщика прямо и твердо.

Додсон раза два кивнул и вышел из коровника. Мистер Дейкин высунулся за дверь и крикнул ему вслед:

— За хлопоты я тебе заплачу, Джек. Припиши к моему счету.

Вернувшись, он поднес спичку к трубке, затянулся и сказал сквозь завывающий дым:

— Вам, мистер Хэрриот, доводилось чувствовать, что вот как случилось, то так и надо, так и к лучшему?

— Да, мистер Дейкин. И не один раз.

— Вот когда Незабудка спустилась с холма, я это самое и почувствовал. — Он протянул руку и почесал ей крестец. — Она всегда была самой из них лучшей, и я рад, что она вернулась.

— Но как быть с ее выменем? Я, конечно, готов зашивать соски, но...

— Э, я кое-что придумал. Вы вот чистили, а я тут и сообразил, только пожалел, что поздно.

— Придумали?

— Ага! — Старик кивнул и прижал табак пальцем. — Чем ее доить, подпущу к ней парочку телят, а поставлю в старую конюшню: там на нее некому будет наступать.

— Отличная мысль, мистер Дейкин. — Я засмеялся. — В конюшне с ней ничего не случится, а выкормит она и трех телят без особого труда.

— Ну да это дело десятое, я уже говорил. После стольких лет она мне ничего не должна. — Морщинистое лицо озарила мягкая улыбка. — Главное-то, что она пришла домой!

Мои глаза большую часть времени были закрыты, и я кружил по парку наугад, а когда я их открыл, все было как в красном тумане. Но все-таки человеческая

натура — крепкий орешек, и когда среди подкопченных ветвей появились железные ворота, я недоверчиво уставился на них.

Я выжил на втором круге, но обычного отдыха мне теперь было мало. Теперь мне надо было лечь. Я вымотался.

— Отлично, ребята, — как всегда, весело прокричал капрал. — У вас здорово получается. А сейчас немножко попрыгаем на месте.

Мы издали жалобный вопль, но капрала это не смутило.

— Ноги вместе! Раз-два! Нет, так не годится, надо выше, выше! Раз-два!

Все это было полнейшим абсурдом. Моя грудь превратилась в пылающую пустоту. От этих людей ждут, чтобы они подготовили нас к службе, а вместо этого они наносят непоправимый вред моему сердцу и легким.

— Вы еще скажете мне спасибо, парни. Поверьте на слово. Выше! Выше! Раз-два!

Превозмогая боль, я видел смеющееся лицо капрала. Этот человек явно был садистом. Взывать к его страданию было бесполезно.

И, собрав в кулак последние силы, я подбросил себя в воздух, и мне внезапно стало ясно, почему я прошлым вечером думал о Незабудке.

Я тоже хотел домой.

Маркиз в качестве прислуги

Туман клубился над головами марширующей колонны — лондонский туман, густой, желтый, с металлическим привкусом. Я не мог различить первые ряды, ничего, кроме желтого пятна фонаря, качающегося в руке ведущего.

Когда мы вот так направлялись завтракать в половине седьмого утра, настроение у меня бывало очень

скверным, а тоска по дому становилась мучительной. Самая худшая часть дня!

У нас в Дарроби тоже бывали туманы, но совсем другие, деревенские, не похожие на этот. Как-то утром, когда я отправился по вызовам, лучи моих фар упирались в серую завесу впереди и из моей плотно закрытой коробочки я не видел ровно ничего. Я уже направлялся вверх по склону и поднимался все выше под напряженное урчание мотора, как вдруг туман поредел, превратился в серебристую мерцающую дымку и рассеялся.

Тут над колышущейся серой пеленой ослепительно сияло солнце, и впереди зеленые холмы уходили в небо летней синевы.

Я устремлялся в это сияющее великолепие, зачарованно глядя сквозь ветровое стекло, будто видел все это в первый раз: бронзу сухих папоротников, вкрапленную в травянистые склоны, темные мазки деревьев, серые домики и нескончаемый узор стенок, тянущихся к верескам на вершинах.

Как обычно, времени у меня было в обрез, но я не мог не остановиться. Я затормозил в воротах. Сэм, мой бигль, выпрыгнул наружу, и мы пошли по лугу. Пес кружил по дерну в сверкающих каплях, а я стоял в теплых лучах солнца среди тающего инея и смотрел назад, на темное сырое одеяло, которое накрывало долины, но не алмазный мир над ними.

И, жадно глотая душистый воздух, я благодарным взглядом обводил чистый зеленый край, где я работал и добывал свой хлеб насущный. Я мог бы остаться здесь до ночи, прохаживаясь, глядя, как Сэм, виляя хвостом, исследует все вокруг и тыкается носом в тенистые уголки, куда солнце еще не добралось, где земля оставалась тверже железа, а на траве лежал хрустящий под ногами иней. Но меня ждали к определенному часу — и не кто-нибудь, а пэр Англии, и я неохотно вернулся в машину.

Я должен был начать проверку коров лорда Халтона в девять тридцать, и, когда я обогнул господский дом елизаветинских времен, направляясь к службам неподалеку, сердце у меня сжалось от дурного предчувствия. Нигде не было видно ни единой коровы, только мужчина в потрепанных холщовых брюках деловито забивал последние гвозди в самодельный станок у ворот скотного двора.

Услышав меня, он обернулся и приветливо замахал молотком. Я пошел к нему, с удивлением глядя на щуплую фигуру, на пряди мягких белобрысых волос, падающих на лоб, на рваный джемпер и облепленные навозом резиновые сапоги. Казалось, он вот-вот скажет: «А, мистер Хэрриот! Утречко-то какое!» Но нет, он сказал:

— Хэрриот, дорогой мой, жутко сожалею, но очень опасаясь, что мы еще не совсем готовы для вас. — И он начал развязывать кисет с табаком.

Уильям Джордж Генри Огестес, одиннадцатый маркиз Халтон, всегда посасывал трубку и то чистил ее металлическим ежиком, то пытался разжечь. Но я ни разу не видел, чтобы он ее курил. В минуты стресса он пытался проделывать все это одновременно. То, что он оказался не готов, его явно смущало, и когда он заметил, как я невольно покосился на свои часы, то еще больше расстроился, вынул трубку изо рта, снова сунул ее туда, взял молоток под мышку и открыл большой коробок спичек.

Я посмотрел на склон со службами. У самого горизонта я различил крохотные фигурки мечущихся коров, гоняющихся за ними людей. До меня донесся далекий лай, а затем мычание и пронзительные вопли: «Тпрюси, тпрюси», «А ну пошла!», «Сидеть, пес!».

Я вздохнул. Старая, привычная история. Даже йоркширская аристократия, видимо, разделяла здешнее беззаботное отношение ко времени.

Его сиятельство, несомненно, понял мои чувства, и его смущение заметно усилилось.

— Очень нехорошо получилось, дорогой мой, — сказал он, разбрасывая спички и хлопья табака по каменным плитам. — Я обещал, что все будет готово в девять тридцать, но чертовы коровы ничего не желают знать!

Я выдавил улыбку.

— Ничего страшного, лорд Халтон, их уже как будто гонят сюда, а сегодня утром я не так уж стеснен временем.

— Чудесно! Чудесно! — Он попытался зажечь темный холмик табака, который было заискрился, но тут же вывалился через край трубки. — И посмотрите! Я соорудил станок. Будем загонять их туда, и они уже ничего поделывать не смогут. Помните, в прошлый раз не все прошло гладко?

Я кивнул. Еще бы не помнить! У лорда Халтона было лишь около тридцати дойных коров, но туберкулинизация их заняла добрых три часа непрерывного родео. Я с сомнением посмотрел на довольно хлипкое сооружение из досок и кровельного железа. Будет интересно поглядеть, как оно противостоит полудикой скотине!

Я вовсе не хотел давить на него, но снова машинально скосил глаза на часы, и щуплый маркиз вздрогнул, как от удара.

— Черт возьми! — вскипел он. — Что они там возятся? Пожалуй, надо пойти помочь им! — Он принялся в расстройстве переключивать молоток, кисет, трубку и спички из одной руки в другую, ронял их и подбирал, пока наконец не решил молоток положить на землю, а все остальное рассовать по карманам. Затем он удалился бодрой рысцой, а я в который раз подумал, что, наверное, таких аристократов, как он, в Англии отыщется не много.

Будь я маркизом, подумалось мне, так я бы нежилсь в постели или, быть может, как раз сейчас раздвинул бы занавески посмотреть, какая на дворе погода. Но лорд Халтон все время трудился наравне со сво-

ими работниками. Как-то утром я застал его за самой уж черной работой — погрузкой навоза: стоя на высокой куче этого бесценного удобрения, он накладывал его вилами в тележку, одну дымящуюся порцию за другой. Поскольку одет он был всегда в лохмотья, остается предположить, что в гардеробе у него хранились более пристойные костюмы, но я ни разу их на нем не видел. Даже табак у него был особенно любимый фермерами.

Мои размышления прервал грохот копыт, сопровождаемый дикими выкриками: приближалось халтонское стадо. Минуту спустя скотный двор заполнился кружащими коровами, от которых клубами валил пар.

Из-за угла дома галопом появился маркиз.

— Ладно, Чарли! — завопил он. — Впускайте первую в станок!

Задыхаясь от предвкушения, он остановился возле досок, испещренных шляпками гвоздей, и Чарли открыл ворота. Мохнатое рыжее чудовище влетело в станок, на мгновение замешкалось в узком проходе, а затем со скоростью около пятидесяти миль в час появилось из другого конца, унося на рогах и шее часть творения его сиятельства. Следом двинулось и остальное стадо.

— Остановите их! Остановите! — завопил щуплый пэр, но это не помогло.

Мохнатый поток вырвался из пролома, и в мгновение ока стадо устремилось вверх по склону. Работники побежали за коровами, и вскоре мы с лордом Халтоном вновь, как несколько минут назад, следили за крохотными фигурками у линии горизонта, а из отдаления доносилось: «Тпрюси-тпрюси!» и «А ну пошла!».

— Послушайте, — пробормотал он уныло, — нельзя сказать, чтобы он оказался прочным.

Зато самому маркизу в упорстве было отказать никак нельзя. Схватив молоток, он застучал им с преж-

ним энтузиазмом, и к тому времени, когда стадо вернулось, станок был восстановлен, а спереди длинный железный лом преграждал путь корове, которая попыталась бы вырваться. Казалось, проблема была решена. Первая корова спокойно остановилась перед ломом, и через отверстие в досках я без труда выстриг участок у нее на шее. Лорд Халтон в отличнейшем настроении уселся на перевернутой бочке из-под бензина, положив на колени мою тетрадь для записей.

— Я буду записывать, дорогой мой! — крикнул он. — Валяйте, дорогой мой!

Я приложил кутимер к коровьей шее.

— Восемь-восемь.

Он записал, и в станок вошла новая корова.

— Восемь-восемь, — сказал я, и он снова склонился над тетрадью.

Третья корова — восемь-восемь. Четвертая — восемь-восемь. И так далее — восемь-восемь да восемь-восемь.

Его сиятельство оторвался от тетради и утомленно провел ладонью по лбу.

— Хэрриот, дорогой мой, нельзя ли чуть разнообразнее? Я начинаю утрачивать интерес.

Все шло гладко, пока в станок не вошла корова, которая прежде разнесла его. И как мы теперь заметили, поцарапала при этом шею.

— Поглядите-ка! — воскликнул пэр. — Это не опасно?

— Нисколько. Просто царапинка.

— Отлично. Но вы не считаете, что ее надо бы чем-нибудь смазать? Немножечко этого...

Так я и знал. Лорд Халтон был горячим поклонником пропамидинового крема фирмы «Мей и Бейкер» и использовал его для всех царапин и ссадин, какими обзаводились его коровы. Он обожал эту мазь. Но к сожалению, выговорить «пропамидин» ему никак не удавалось. Как, впрочем, и никому в его имении, за исключением Чарли, старшего на ферме. На-

О ВСЕХ СОЗДАНИЯХ — МУДРЫХ И УДИВИТЕЛЬНЫХ
звал он эту панацею «пропопамид», но его сиятельство свято ему доверял.

— Чарли! — громогласно позвал он. — Вы здесь, Чарли?

Чарли вынырнул из водоворота на скотном дворе и приложил руку к шляпе.

— Слушаю, милорд.

— Чарли, эта чудо-мазь, которую прописывает мистер Хэрриот, ну, для пораненных сосков и тому подобного. Про... Перо... как, черт побери, она называется?

Чарли внушительно помолчал. Это был миг его торжества.

— Пропопамид, милорд.

Маркиз, очень довольный, хлопнул себя по колену под холщовыми брюками.

— Вот-вот! Пропопамид. На этом чертовом словечке язык сломаешь! Молодец, Чарли!

Чарли скромно наклонил голову.

По сравнению с прошлым разом туберкулинизация потребовала куда меньше хлопот, и мы закончили через полтора часа. Хотя произошла и трагедия. Примерно на половине одна корова упала мертвой из-за магниевой недостаточности — состояние, нередко наступающее у коров, кормящих телят. Мгновенная безболезненная смерть, и у меня не было ни малейшей возможности что-либо сделать.

Лорд Халтон посмотрел на корову, уже переставшую дышать.

— Как по-вашему, можем мы пустить ее на мясо, если сразу обескровим?

— Ну, это типичный случай магниевой недостаточности. Ничего вредного для кого-либо... Попробуйте. Все зависит от того, что решит инспектор на бойне.

Корове выпустили кровь, погрузили ее в фургон, и пэр отправился с ней на бойню. Он вернулся, как раз когда мы кончили проверку.

— Ну как? — спросил я. — Тушу приняли?

Оглавление

Как хочется домой	5
Маркиз в качестве прислуги	15
И кто из нас коновал?	30
Редкостная пара	41
Только одно живое существо	54
Отрава	66
Велика ли заслуга	79
Свинья с мусорным бачком на голове	85
Кот Буян, носящий мячи	97
Первая самоволка	105
Волшебное излечение кобылы ценой 5000	115
Собачьи развлечения	125
У меня родился сын	137
Старый пес и новая свобода	145
Перезанимался	156
Тайный отравитель собак	162
Миссис Бек собственной персоной	176
Ностальгия	187
К чему приводит деликатность	188
Я заменяю специалиста по собакам	195
Что делать с оторванной лапой	203
Удача и победа	212
Крик и шепот	224
Мои встречи с Беннетом Гранвиллом	232
Новатор и консерватор	247
К вопросу о сноровке	258
Начинается новая жизнь	270

ОГЛАВЛЕНИЕ

Как победить мокротуху	272
Чудодейственный «усмирин»	285
Развлечения Тристана	299
Собачья дружба	314
Трудно разорваться на три части	327
Полицейский забирает попрошайку	341
Пробежка по процедуре	351
Мой первый самостоятельный полет	368
Номер 87 становится матерью	373
Печальный урок	382
Еще один урок, но с хорошим концом	393
Диагноз: ложная беременность	405
Заботливая Джуди	417
Тристан готовится к экзаменам	423
Мистер Потс	437
На складе	445
Все имущество в коляске	451
Ящур	463
Про Неда	473
Оскар, светский кот	489
Домой, домой!	506